

УДК 821.161.1.09"17"

**«ПРИТЧИ» А. П. СУМАРОКОВА (1762):
ПРОДОЛЖЕНИЕ РУССКОГО «СПОРА ОБ АНАКРЕОНТЕ»**

© С. А. Салова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 273 68 74.
E-mail: ruslit408@yandex.ru*

В статье разрабатывается актуальная для отечественного литературоведения проблема творческого освоения античного наследия в русской поэзии XVIII века. Предметом исследования является конкретный эпизод скрытой полемики А. П. Сумарокова с М. В. Ломоносовым о морализаторской ценности жанра анакреонтической оды. Собственной экспериментальной художественной практикой, использовав тактику русификации традиционных анакреонтических фабул, осуществив несколько параллельных разножанровых перекодировок одного фабульного (или мотивного) инварианта в анакреонтическую оду и анакреонтическую притчу, Сумароков обосновал нравственно-дидактическую состоятельность анакреонтической поэзии.

Ключевые слова: *античная традиция, жанр, анакреонтическая ода, притча, полемика, тактика русификации, жанровая перекодировка.*

Как известно, в период работы над «Риторикой» 1747 года М. В. Ломоносов весьма сдержанно оценивал поэтическую традицию, индексированную именем легендарного древнегреческого песнопевца Анакреонта. Он относил произведения данного жанра к разряду «басен», преследующих, в отличие от морализаторской притчи эзоповского типа, сугубо развлекательные цели и предназначенных на потребу низкой читательской публики с неразвитым эстетическим вкусом. Собственные теоретические выкладки Ломоносов проиллюстрировал стихотворением «Ночную темнотой...», представлявшим собою тенденциозный парафраз всемирно известной фабулы о вымокшем под дождем Амуре. Благодаря своему прозрачному полемическому подтексту оно фактически инициировало русский «спор об Анакреонте», с определенными оговорками соотносимый с легендарным французским культурно-историческим конфликтом, именуемым обычно спором «древних» и «новых». В контекстуальном пространстве «Риторики» Ломоносова вольное авторское переложение популярной анакреонтеи обрело статус своеобразного метатекста с нулевой морально-аллегорической значимостью, недвусмысленно свидетельствуя о намерении поэта-кодификатора решительно воспрепятствовать институционализации жанра анакреонтической оды на русской почве и вывести его за пределы строго очерченной сферы литературно-эстетического нормирования.

Однако предпринять судьбу анакреонтики в отечественной поэтической традиции Ломоносову все же не удалось. Практически одновременно с его «Риторикой» увидела свет «Эпистола о стихотворстве» А. П. Сумарокова. Ее автор не только поместил Анакреонта в один ряд с великими писателями, достойными славы и заслуживающими подражания, но спустя несколько лет после выхода обоих трактатов, в июле 1755 года, дебютировал в жанре

анакреонтической оды на страницах академического журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Претензия Сумарокова на титул «русского Анакреонта» с логической закономерностью предполагала вступление в принципиальную полемику с уничижительными трактовками анакреонтики (как, впрочем, и древнего баснословия в целом), с которыми выступали его литературные противники из числа русских «новых».

Не знавший древних языков Сумароков не преминул заручиться при этом деятельной поддержкой блестящего знатока античности Г. В. Козицкого. Не секрет, что тот выполнил подстрочные прозаические переводы стихотворений из сборника «*Les poesies d' Anacreon et de Sapho*» в издании Анны Дасье (Амстердам, 1716), на которые впоследствии Сумароков ориентировался в своих переложениях и стилизациях как на безупречный первоисточник. Весьма красноречивым представляется в этой связи и тот факт, что именно статьей Козицкого «О пользе мифологии» открывалась январская книжка журнала Сумарокова «Трудолюбивая пчела». Существенным подспорьем в его скрытой полемике с Ломоносовым стал жанровый опыт Пьера Ронсара как переводчика и перелажателя Анакреонта, стоявшего у истоков соответствующей новоевропейской традиции. Наиболее востребованной и «поучительной» оказалась при этом поэтическая стратегия ученого француза, смело актуализировавшего первоисточники и безбоязненно подвергавшего их национально-культурной перекодировке. Не приходится сомневаться, что Сумароков довольно основательно теоретически отразил тактические приемы «галлофикации» Анакреонта лидером Плеяды, после чего успешно апробировал аналогичную, но уже русификаторскую, технику в двух своих «последующих» анакреонтических одах – «Дай Гомерову мне лиру» и «Ежели бы можно было...».

Первая из них представляет собой свободную авторскую обработку программной для всей анакреонтической традиции оды «К лире». Ее содержание, как известно, составляет контрастное противопоставление двух видов поэтического творчества: отвергая осененный именем Гомера дискурс воспевания Героев, жизнерадостный старик Анакреонт утверждал приоритетное для поэта право воспевать Любовь. Этот контраст, основополагающий для общелитературной платформы всех последователей прославленного песнопевца, многократно становился предметом их поэтологических размышлений. Не были исключением и многие из современных Сумарокову немецких анакреонтиков, с творчеством которых русский поэт, избранный летом 1756 года почетным членом Немецкого общества в Лейпциге, был, безусловно, знаком. Единственное оружие, которое соглашалась воспевать сопротивляющаяся воинственному звону лира И. В. Л. Глейма, – это лук и стрелы Амура («К героям»). О том, что «песок, полный трупов», не заставит трепетать струны его лиры, в стихотворении «Лирической музе» категорично заявлял И. П. Уц. Лавровый венок, предложенный Фебом, решительно отверг И. Н. Гетц, отдав предпочтение миртовым венкам, переплетенным розами. На фоне подобных подчеркнута субъективных и личностных авторефлексий национально-этническая характеристика эстетической позиции Сумарокова выглядела особенно рельефно. Он предпринял попытку осложнить тривиальную оппозицию, русифицировав первый из составляющих ее компонентов:

Дай Гомерову мне лиру,
Воспою и возыграю
Покорителя Казани
Иль победу над Мамаем [1, с. 223].

С учетом вышесказанного логично предположить, что манифестированная здесь национально-историческая перекодировка традиционной антитезы была инспирирована творческим опытом Ронсара, задолго до Сумарокова использовавшего такую идентифицирующую тактику в своем обращении «К лире»:

Вчера сказал я: дай спою,
Как Франк могучий рать свою
На галльский берег вывел смело!
Но лира, мне наперекор,
Презрев воинственный задор,
Лишь о любви к Кассандре пела [2, с. 150].

О принципиальности и полемической заостренности русификаторских экспериментов Сумарокова в жанре анакреонтической оды свидетельствует и его знаменательная попытка придать национальную характерность той самой фабуле о проказнике Эроте, подшутившем над гостеприимным хозяином, семантической деформацией которой Ломоносов еще совсем недавно намеревался «дезаурировать» соответствующую поэтическую традицию. Показательно, что, в отличие от автора стихотворения «Ночную темнотою...», Сумароков не следовал за первоисточником буквально, точно воспроизводя временные (ночь) и погодные (дождь) условия, в которых разворачивались «басенные» события. Напротив, с помощью «метеорологической» лексики он легко и без нажима русифицировал традиционную фабулу:

Во мразныя минуты
Сын дочери Сатурна
Озяб он и чужд дышет... [1, с. 225].

Напрашивается вывод, что использованием русификаторской тактики Сумароков пытался оспорить огульный скептицизм Ломоносова относительно эстетического и нравоучительного потенциала анакреонтических «басен». Более того, наработанный при этом первичный опыт национальной перекодировки «чужого» исходного материала «русский Анакреонт» Сумароков поспешил экстраполировать на другие жанры того же иерархического уровня, включая жанр притчей, безусловная «полезность» которых не вызывала малейшего сомнения. На данное обстоятельство он обратил особое внимание в авторском посвящении наследнику престола цесаревичу Павлу Петровичу первых двух книг своих «Притчей», изданных в 1762 году. Содержание этой дедикации недвусмысленно свидетельствовало о подчеркнута серьезном отношении Сумарокова к «полезному» жанру притчи: «Сколько Притчи полезны, о том уже всему свету известно. А я только того хочу, чтобы мои Притчи заслужили себе достоинство имени своего...».

В состав названного выше поэтического сборника Сумароков включил несколько стихотворений, в которых осуществил жанровую перекодировку анакреонтических фабул. Выразительным примером такого рода является притча «Сторож богатства своего» (I, L), структура которой носит отчетливо экспериментальный характер, поскольку построена на контаминации разнородных по происхождению мотивов. Источниками для нее послужили широко известная анакреонтическая ода о невозможности откупиться от Смерти, притча Федра

о лисе, которая обнаружила клад, охраняемый драконом, и, наконец, комедия Ж.-Б. Мольера «Скупой». Благодаря своей синтетической мотивно-образной структуре это стихотворение представляет безусловный интерес нетривиальной трактовкой общечеловеческой темы скупости, одним из предикатов которой стал широко известный анакреонтический мотив о неотвратимости Смерти, от которой невозможно откупиться никакими сокровищами:

Скупой не господин, но только страж богатства.
Скупой, скажи ты мне свой сон:
Не грезится ль тебе нейти из света вон?
Не зришь ли смерти ты именем препятства?
Сказал певец Анакреон,
Что тщетно тот богатство собирает,
Который так равно, как бедный умирает [3, с. 60].

Сумароковская притча о скупом, уповающем на силу своего богатства, репрезентативна прежде всего тем, что коррелирует с переводом соответствующей анакреонтеи, выполненным автором стихотворного цикла «Разговор с Анакреоном». Преследуя цель продемонстрировать свое неприятие нравственной позиции легендарного песнопевца, Ломоносов преднамеренно сгустил здесь лексику с витальной семантикой и акцентировал гедонистические смыслы древнегреческого оригинала. Мы не располагаем сведениями о знакомстве Сумарокова с этим вскоре ставшим хрестоматийным произведением своего непреклонного оппонента. Тем более существенно, что в собственной притчевой перекодировке известной анакреонтической фабулы он упрямо педалировал мотив равенства всех перед смертью и, как следствие, фактически сводил «на нет» гедонистический пафос первоисточника. При этом ссылка на мнение Анакреонта как авторитетного дидакта не только не утратила своего знакового смысла, но дополнительно аргументировалась и верифицировалась параллелями из притчи Федра и упоминанием мольеровского Гарпагона. Рассмотренная в столь глубокой культурно-исторической ретроспективе тема скупости в стихотворении Сумарокова не только заметно нарастила свой семантический объем, но наполнилась злободневным остросатирическим смыслом.

Самое прямое и непосредственное отношение к необъявленному спору с Ломоносовым о морализаторском потенциале анакреонтической «басни» имела, на наш взгляд, притча Сумарокова «Филлида», впервые опубликованная в первой книге «Притчей» под номером LV. На откровенно полемическую установку ее автора указывают, прежде всего, особенности метрической организации: небольшое по объему стихотворение написано четырехстопным хореем – размером, канонизированным самим Сумароковым для русской анакреонтической оды. Как уже давно установлено комментаторами, в сюжетном плане притча «Филлида» построена на позитивном осмыслении фабульного источника, в качестве которого выступила поэтически обработанная Овидием в «Героиде» древнегреческая легенда о любви фракийской царицы Филлиды к афинскому царевичу Демофону. Согласно преданию, не выдержав долгой разлуки с любимым, девушка повесилась, после чего боги превратили ее в миндальное дерево. Когда же Демофон наконец вернулся и обнял сухое дерево, бывшее некогда Филлидой, оно покрылось листьями. Вместе с тем предложенная Сумароковым притчевая обработка печальной истории о разуверившейся в любимом Филлиде, включала прозрачный

полемический подтекст и противостояла той семантической деформации, которой подверг исходную легендарную фабулу Ломоносов в своей трагедии «Демофонт» (1752). Напомним, там Демофонт изменил Филлиде ради троянской царевны Илионы, но ему не удалось уехать из Фракии и он погиб так же, как и его бывшая возлюбленная.

В отличие от Ломоносова, поставившего в центр любовной интриги мужчину, Сумароков сосредоточил внимание на эмоциональных переживаниях женщины. Беглыми мазками очертив психологическое состояние своей героини, тоскующей о любимом, автор притчи уравнивал и гармонизировал воссозданную лирическую ситуацию развернутым, восьми-стишным моралите, где предостерегал всех «прекрасных», всех представительниц женского пола не поддаваться пагубным треволнениям неразделенной любви:

Много из любви забавы,
И веселия течет;
Но любовь, лишая славы,
Часто бедствие влечет,
Не вверяйте вы, прекрасны,
Не подумая сердец:
Берегитесь на конец,
Как Филлида, быть несчастны [3, с. 69].

Заметим попутно, что назидательный смысл процитированного только что поучения отозвался (и, разумеется, не случайно) в двух анакреонтических стихотворениях Сумарокова («Люблю тебя, Филлида» и «Дай Гомерову мне лиру»), лирическую героиню которых, в полном соответствии со сложившейся европейской практикой жанра, поэт наделил условным именем Филлида, аллюзионно соотношенным с его одноименной притчей. В условиях межжанровой переключки данная номинация выступала в качестве антропонимического указателя на принадлежность всех трех стихотворений к произведениям с дидактической установкой.

Но, пожалуй, наиболее репрезентативным в аспекте полемики Сумарокова с Ломоносовым по вопросу о морализаторской ценности анакреонтической басни является притча «Молодой Сатир», помещенная во второй книге его «Притчей» под номером XVIII. Она представляет собой вольную обработку той самой анакреонтеи, переложением которой создатель «Риторики» проиллюстрировал свои рассуждения о жанре «басни», якобы не имеющей, в отличие от притчи эзоповского типа, нравственно-эстетической ценности. Для характеристики полемической позиции Сумарокова первостепенное значение имеет тот факт, что его паррафрастическая обработка этой фабульной схемы, как и в предыдущих случаях, была осуществлена в двух параллельных вариантах – в жанрах анакреонтической оды и притчи. Какой из них был первым по времени создания, остается только догадываться, но хронология в данном случае не имеет принципиального значения. Для нас принципиально важно констатировать сам факт использования русификаторских приемов в разножанровых стихотворениях Сумарокова, восходящих к одному фабульному инварианту.

И оде «Во мразныя минуты...», и притче «Молодой Сатир» Сумароков придал сочный национальный колорит, поместив своих персонажей в как нельзя более русскую обстановку морозной и студеной зимы. Весьма симптоматично при этом, что, если в небольшой по объ-

ему анакреонтической оде сезонные координаты действия лишь едва намечены, то в притче словесный мотив мороза не только семантизирован в детальных подробностях, но, можно сказать, визуально «натурализован» в пульсирующих, сбивчивых перепадах ритмического рисунка:

Иззяб молодой Сатир,
И мнит оставить мир;
Не лъзя с морозом издеваться.
Куда от стужи той деваться?
Дрожит,
Бежит,
И как безумной рыщет,
Согреться места ищет... [3, с. 31–32].

Играя с традиционной фабулой, Сумароков внес изменения в состав ее персонажной сферы, сделав участниками действия пастуха и, в одном случае (в оде), проказника Эрота, в другом (в притче) – пугливого Сатира. Подобно субъекту речи в ломоносовской «басне», простодушный и сердобольный сумароковский пастух трепетно позаботился о попавшем в беду незваном госте. Он тщательно обогрел Эрота («Спасти Эрота хочет: // Эрота согревает...») [1, с. 225] и молодого Сатира («... и стал пастух Сатира грети, // Стал руки отдувать») [3, с. 32], а последнего к тому же еще и накормил горячей кашей:

Тот подчивал ево,
Дал корму своево,
И каши положил Сатиру он на блюдо.
Что делать? каша горяча,
И сжется как свеча.

Пастух на блюдо дует,
И кашу ложкою в уста Сатиру сует [3, с. 32].

Как и в ломоносовской «басне», оба стихотворения Сумарокова имеют неожиданную, «нечаянную» (по выражению Ломоносова) концовку. Идеино-тематическое содержание его анакреонтической оды оформила заложенная в первоисточнике и репродуцированная в свое время автором стихотворения «Ночною темнотою ...» мысль о роковой незащищенности человека перед неодолимой силой Любви. В финале же притчи Сумароков не ограничился концептуализацией восходящего к анакреонтейе и потому не нуждающегося в заключительной сентенции мотива неблагодарности, но – главное – декларировал парадоксальный по глубине и афористичный по форме выражения тезис о противоречивости человеческой природы:

Сказал Сатир мича:
Прошел мой голод;
Пора теперь домой.
Прости, хозяин мой.
Я смышлю, хоть и молод,
Что страшны те уста, в которых жар и холод [3, с. 32–33].

Так, своей игровой парафразой традиционной фабулы о неблагодарном проказнике Эроте, Сумароков не просто придал притче отчетливый нравоучительный пафос, но наделил ее острым нравственно-психологическим смыслом, предвосхитившим художественные открытия сентименталистов.

Выявленный нами полемический подтекст анакреонтических притч Сумарокова диктует необходимость подвергнуть ревизии расхожее представление о нем как поэте, для которого «основным в басне являлся не моральный урок, а художественная форма» [4, с. 175]. Параллельным переложением легендарных фабул в жанре анакреонтической оды и притчи полемизирующий с Ломоносовым Сумароков на собственной художественной практике продемонстрировал возможность нравоучительных «применений» так называемой анакреонтической «басни», утвердив тем самым легитимность ее вхождения в отечественный фонд фабулистики с серьезным моралистическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сумароков А. П. *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. II.* М.: Типография Н. И. Новикова, **1781**. 252 с.
2. Ронсар П. де. *О вечном.* М.: Летопись-М., **1999**. 288 с.
3. Сумароков А. П. *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. VII.* М.: Типография Н. И. Новикова, **1781**. 270 с.
4. Клейн И. *Русская литература в XVIII веке.* М.: Индрик, **2010**. 440 с.

Поступила в редакцию 17.05.2013 г.

**“PRITCHY” BY A. P. SUMAROKOV (1762): THE CONTINUATION
OF THE RUSSIAN “DISCUSSION ABOUT ANACREON”**

© S. A. Salova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450074, Ufa, Russia.
Phone: +7 (347) 273 68 74.
E-mail: ruslit408@yandex.ru*

Creative adoption of the antic heredity by the 18th century Russian poetry has been studied in the article. An episode of the hidden polemics between A.P. Sumarokov and M.V. Lomonosov about the moralizing value of the anacreontic ode genre is the main subject of the analysis. The system of Sumarokov's methods for russification of the traditional story lines (or the motives) and for the parallel recording of the same story line into the anacreontic ode and into the anacreontic parable has been described. Sumarokov's artistic experiments in the poems from his book «Pritchky» (1762) have proved high moral-didactic validity of the anacreontic poetry.

Keywords: *ancient tradition, genre, anacreontic ode, the parable, the controversy, the tactics of Russification, genre recoding.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Salova S.A. “Pritchky” by A. P. Sumarokov (1762): the Continuation of the Russian “Discussion about Anacreon” // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 3. Pp. 262–269.

REFERENCES

1. Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze [Complete Collection of Writings in Verse and Prose]*. Ch. II. Moscow: Tipografiya N. I. Novikova, 1781. 252 s.
2. Ronsar P. de. *O vechnom [About Eternal]*. Moscow: Letopis'-Moscow: 1999. 288 s.
3. Sumarokov A. P. *Polnoe sobranie vseh sochinenii v stikhakh i proze [Complete Collection of Writings in Verse and Prose]*. Ch. VII. Moscow: Tipografiya N. I. Novikova, 1781. 270 s.
4. Klein I. *Russkaya literatura v XVIII veke [Russian Literature in 18th Century]*. Moscow: Indrik, 2010. 440 s.

Received 17.05.2013.